

Недошедшие письма.

«Во Франции во время наступления нацистов с особенно садистическим вкусом бомбили незащищенные городки, полные беженцев, «прочесывали» их с бреющего полета, давили танками все, что можно раздавить; потом приходила пехота, нацисты вытаскивали из укрытий полуживых детей, раздавали им шоколад и фотографировались с ними, чтобы распространять где нужно эти документы о своей «гуманности». В Сербии уже не раздавали шоколад и не фотографировались с детьми» - гласит отрывок из текста Алексея Толстого «Что мы защищаем».

Великая Отечественная война 1941 – 1945 год. Эта война затронула многие европейские страны и советский союз. Многие ушли защищать Родину, но домой вернулись не все.

Кровь... Пот... Голод... Страх... Смерть... Все это соединилось в одном слове – война. Но давайте не будем забывать о жизни простых людей, и о жизни в глухих деревеньках. Потому что именно в одной из таких деревень и произошла история, о которой я хочу вам рассказать.

В поселке «Х» жили две сестры – Тамара Ивановна и Василиса Ивановна. За пару дней до войны, Тамара Ивановна отпраздновала совершеннолетие младшего сына. Спустя три дня, после начала войны, ее сыновья ушли добровольцами. Минул год, и ей пришла похоронка, в ней было сказано, что ее старший сын пропал без вести.

Дочь Василисы Ивановны, уже как семь лет жила в Ленинграде. Однажды, Василисе Ивановне пришла телеграмма о блокаде Ленинграда. Бедная женщина так расстроилась, что слегла с недугом. И вот уже 4 месяца не вставала с постели. Обе женщины уже потеряли веру в лучшее.

В 1944 году линия фронта продвинулась ближе к селу, а 26 мая этого года, село близ поселка «Х» было захвачено немецкими войсками. Через три дня жителей села загнали в церковь, после чего подожгли.

В этот злополучный момент, письма детей Тамары и Василисы были на полпути к селу. Но доставить их к сроку так и не удалось. Почтальона, несущего письма, застрелили по дороге в деревню. Спустя чуть меньше месяца, немцы покинули ныне заброшенное селение. Если бы не проходящий мимо солдат, нашедший сумку с письмами, в жизни женщин не появилась бы надежда.

Письмо принесли раннем утром 15 апреля 1944 года и было доставлено Василисе Ивановне. Это был небольшой сверток, изрядно испачканный грязью и кровью. «Может быть они все еще живы» - подумала она. Собравшись с мыслями, она взяла сверток в руки и открыла его. В него была завернута потрепанная тетрадка, поверх которой лежал конверт. Женщина взяла письмо, дрожащими руками она вытащила его из конверта и принялась читать:

« Дорогая мамочка,

Прошло уже почти 40 дней со дня снятия блокады. Подошло к концу, то страшное время, навеки врезавшееся в память. На наших глазах умерло бесчисленное множество людей. Умирали целые семьи, люди падали замертво на улицах, постепенно голод уничтожал город. Смерть не обошла стороной и нашу семью. Она забрала твою внучку, Лиду. Погиб и мой муж, он умер в своей постели, сначала мы думали что он спит. Дети пытались его разбудить, но он так и не проснулся. Его тело бросили к остальным трупам, закопали в общей могиле. Рано или поздно всех ждала такая участь. Из нашей семьи выжила только я и мой сын, Андрей.

Я до сих пор не могу поверить, что все это закончилось, казалось что только вчера проснуться от этого кошмара было невозможно.

После смерти дочери, мне казалось, что весь мой мир рухнул, на плаву заставлял держаться только сын. Чтобы не сойти с ума, я начала вести дневник. Стоила мне выплеснуть свои мысли и свою боль на бумагу, как становилось легче. Меня это спасло, поэтому дневник я приложу к письму.

Блокада закончилась, но ее последствия устранить непросто. Душевные раны, что будут отзываться кошмарами, даже через десятки лет, измученные и искалеченные тела, взрослых и детей.

Андрей сейчас находится в больнице. Врачи поставили страшный диагноз – дистрофия.

Надеюсь, что его не отнимет у меня смерть. Я не вынесу одиночества. Но сейчас спустя время, врачи говорят – выживет Это дает мне надежду на светлое будущее.

Я пишу тебе, чтобы ты знала – я жива. Пишу не зная, жива ли ты. Просто веря, что костлявая обошла тебя стороной. Ах, как же много воды утекло с тех пор как я в последний раз была в родных краях. Вот закончится война, обязательно приеду вместе с сыном, покажу ему родную сердцу природу.

С любовью, твоя Маша».

Слезы крупными каплями катились по ее щекам, падая на бумагу. Хотелось скорее написать ответ, но от волнения дрожали руки из слов получались неразборчивые каракули. «Напишу позже». – подумала Василиса Ивановна. Она взяла в руки тетрадку, именуемую дневником. Многие страницы были нечитаемые: чернила на некоторых страницах поплыли от воды, были и те что обгорели или попросту испачканы грязью. Оставшиеся записи были без дат, некоторые и вовсе обрывались на полуслове. Дрожащим голосом Василиса Ивановна принялась читать вслух:

« 1941 год,

Прошло уже много времени со дня бомбежки бадаевских складов. Голод начал набирать мощь в блокадном городе. Идешь по улице и видишь трупы полузанесенные снегом. Жутко. Страшно. И с каждым днем становилось все хуже: люди все больше и больше начинали походить на живых мертвецов - тощие, изможденные, они ходили по улице, пытаясь раздобыть себе и своей семье еды.

Ранним утром я отправилась за хлебом, приходилось идти на угол улицы Рылеева и Московского и ждать своей очереди. Каждый кусочек хлеба взвешивали на весах, отдавали точно выверенный кусок – 125 грамм. Был ценен каждый грамм. Люди отдавали за хлеб самое дорогое – драгоценности, любые вещи имевшие цену...

* * *

Этой ночью мне не удалось уснуть, голод съедал меня изнутри... С каждым днем все меньше желание вести дневник, но только он помогает сохранить рассудок. Повсюду воцарился голод, на каждом углу нас поджидает смерть. Каждый день кажется последним, но нет, мне нельзя умирать, я должна жить ради сына и мужа. Завтра муж пойдет хоронить мою бедную Лидочку. Моя бедная малышка, она не дожила даже до 6 лет, а ведь когда-то я мечтала повести ее в первый класс.

* * *

На улице не многолюдно. В лицо дует холодный ветер, зима уже вступает в силу. С каждым днем на улице становится все холоднее. Полуживые люди везут на детских санках мертвецов, и мы не исключение. Люди идут и падают замертво, оставаясь у санок с родными. Поначалу это вызывало ужас, а сейчас лишь чувство безысходности и мысль – всех нас ждет эта участь.

Снег засыпал все. Спустя время можно было даже не заметить, что всего день или два назад, здесь умер человек. Снег стал для него могилой...

(далее записи 1941 года не читаемы, повреждены полностью или частично)

* * *

1942 год,

С каждым днем погибших становилась все больше. Уже не заморачивались с похоронами, трупы жгли прямо на улице, чем больше трупов, тем больше костров дымили на улицах Ленинграда. Их пепел грузовики свозили к водоемам, а иногда оставляли пепел покрывать белый снег.

Я все чаще слышу перешептывания людей на улицах. В городе расползались слухи о каннибализме. По городу было множество моргов под открытым небом, но я и подумать не могла, что голод заставит людей проститься с рассудком, перестать быть людьми. Я подошла поговорить с женщинами на улице. Они рассказывали страшные истории: как люди по ночам охотились на трупы. Срезали плоть ножами, ножницами, а не имея при себе ничего отгрызали ее, рвали голыми руками.

Каннибализм все еще карался расстрелом на месте, но даже этот факт их не останавливал. После этого разговора я перестала отпускать Андрея из дома одного, только с мужем и чаще всего с ножом.

День ото дня подобных историй становилось больше, как и случаев нападения на еще живых людей. Могли напасть среди бела дня, к 1942 в городе почти не осталось ни животных ни птиц и люди решили двигаться дальше.

* * *

Встретилась с соседкой, она жила этажом выше. Она рассказала мне историю, произошедшую с ней не так давно. Но истории в блокадном городе редко заканчивались хорошо, в них преобладала смерть.

- « Я чудом осталась жива, - говорила она мне. — жаль, моей знакомой так не повезло». Именно с этих слов началось ее история:

Произошло это совсем недавно, может неделю назад, а может больше. Тот день запомнился мне на всю жизнь, и кажется, будто это было вчера. Вместе

со своей подругой, я пошла за водой. На улице стоял сильный мороз, идти было тяжело и далеко. И вот, уставшие, изможденные - мы пришли к берегу Невы. Сильные морозы неотъемлемая часть января и февраля, привыкнуть к ним тяжело и с каждым днем казалось, что на улице становятся все холоднее. Это не сыграло нам на руку – вода превратилась в лед. Как бы мы не старались ее продолбить, ничего не выходило, но вдруг к нам подошла женщина. Она сказала, что ее муж военный и что у них есть вода. Предложила пойти к ней. У нас был выбор идти или не идти, и мы согласились. А какой смысл пытаться раздолбить лед, ценою своей жизни? Мы подошли к ее квартире, она отперла дверь и мы зашли внутрь. Обычная квартира! Так мне показалось лишь в первую минуту... Женщина сказала нам, что пошла за водой. Мы остались в комнате вдвоем. И тут я уже начала присматриваться к комнате и ко всему что нас окружало. Первая странность что я заметила – стол. Он был в ужасном состоянии – на нем будто что-то рубили, весь в рубцах от ножа и в кровавых пятнах. Вторая странность – нож, который я разглядела под потрепанной шторой. Он был в крови. Я рассказала об этом своей подруге и двинулась к выходу, она пошла за мной.

Нас окликнули, я обернулась, это была большая ошибка. Услышав голос мне надо было бежать. Женщина, уходившая за водой, вернулась с топором в руках.

- «Стойте!» - крикнула она нам.

Я успела отбежать, но в момент крика, женщина ударила топором в спину моей знакомой. После этого, я бежала не оглядываясь до самого дома и успокоится смогла лишь когда позади меня хлопнула дверь.

Так закончилась ее история. Дослушав ее до конца я отправилась домой. В моей голове не укладывалась мысль о том, что каннибалы начали охотиться на живых людей и может ли оправдать их голод. Нет, для меня голод не оправдание идти на человека с ножом, лучше умереть от голода.

* * *

Сегодня умер мой муж, умер во сне. Мы не сразу поняли это, сын пытался его разбудить, но он не просыпался и был холодным как лед. Несколько минут я просто стояла и плакала, громко, надрывно, пока не закончились слезы. Внутри меня почти оборвался мир, единственная нить, державшая его – Андрей.

Мне нельзя умирать. Все чаще звучит эта фраза в моем дневнике. А что еще написать? Сейчас как никогда тяжело, и с каждым днем все хуже. Я должна держаться, мне нельзя умирать! Это моя ноша, мой крик души. Даст бог, мы переживем все что нам уготовила судьба, война закончится и над нами вновь воссияет светлое небо. Без грохота бомбежек, голода, смертей... Все ведь когда – то заканчивается?

* * *

Животных в городе не стола, лишь в некоторых домах остались полуживые, похожие на скелетов кошки. В эту неделю многие пожалели о съеденных котках. Город наполнили крысы. Тучи крыс длинными шеренгами бегали по городу, объедая умирающих ленинградцев. Серые твари съедали те крохи что оставались в городе. Ничего не помогало от них избавиться, в городе появилась угроза эпидемий. Единственные существа способные уничтожить крыс – кошки.

Кошек перестали есть, их стали выпускать на улице, в надежды на освобождение от крысиной напасти. Появились даже люди следившие за этими созданиями. Позже кошек завезли в город военные. Каждый день ценной своей жизни, пушистые создание отгоняли крыс от продовольственных складов».

* * *

Записи обрываются, но в жизни Василисы Ивановны появляется смысл, надежды на будущее. Обещание дочери приехать в родные края греет душу. « Скорей бы закончилась война, если она не приедет, обещаю, приеду я » - думала Василиса Ивановна, смахивая с глаз вновь подступившие слезы

- Теперь, и мне нельзя умирать, - прошептала она, фразу засевшую в голове у множества людей.

* * *

Второе письмо солдат доставил Тамаре Ивановне. Он пришел поздним вечером и постучал в дверь. Дверь ему открыла женщина лет сорока шести. У нее были длинные рыжие волосы, чуть тронутые сединой, красивые серые глаза, но в них читалась боль.

- Я принес письмо Тамаре Елагиной, она здесь проживает?

- Да, это я, скажи-ка мне, от кого это письмо?

- Письмо от некого Романа Елагина.

- Проходи милоч, проходи, уже поздно, переночуешь у меня. Заходи не стесняйся.

Заходя в дом, солдат увидел на щеках женщины дорожки слез.

«Видимо, письмо от дорогого ей человека» - подумал солдат.

- А кем вам приходится адресант?

- Это мой старший сын. Когда-то мне пришла похоронка, написали пропал без вести. От младшего сына тоже никаких вестей нет. Каждый день я молюсь – лишь бы вернулись домой целыми и невредимыми, мое сердце разрывается от тоски. Каждый день муки неопределенности, тяжело так жить, понимаешь? А сейчас, я узнаю, что есть весточка от сына! Ну же, дай мне письмо, успокой материнское сердце.

Солдат протянул ей письмо. Взяв его, она прижала его к себе и стояла так какое-то время. В доме воцарилось молчание.

- Я понимаю вас, мой брат погиб в одном из сражений, он был танкистом, а я служу в пехоте. До сих пор не могу поверить, что он мертв. Каждый раз когда я вспоминаю о нем к горлу подкатывает ком и наворачиваются слезы. – прервал солдат тишину.

- Садись, я напою тебя чаем, заодно и письмо прочитаю.

Через десять минут на столе стоял горячий чай. Женщина открыла письмо и принялась читать вслух строки из жизни ее сына последние два года:

«Дорогая мамочка,

Пишу тебе из госпиталя, где постепенно иду на поправку. Раньше, мне было трудно даже ручку держать, но как только представилась возможность, решил черкнуть весточку. Хочу рассказать тебе об ужасах что я пережил. Последние несколько месяцев, до того как я попал сюда, я провел в концлагере, название которого, как в тумане. Я его не помню. О нем остались лишь страшные воспоминания, и физические увечья, но об этом позже. Сейчас же, я хочу рассказать тебе о том что я там пережил.

В тот день, нас согнали всех в кучу, как скот на убой. Осматривали каждого, забирали все ценное – выдирали золотые зубы, снимали кольца, браслеты – все. В этом случае мне повезло, у меня ничего такого не было, но стоит ли радоваться чужому горю? В концлагере люди в основном умирали от голода

– их трупы сбрасывали ямы. Ямы были метров 30 глубиной, их было три, и с каждым днем они заполнялись.

В лагере нас было много, таких как я, детей и женщин, но фашисты не щадили никого. Я никогда не видел таких детей, настолько они были измучены и изуродованные. У одной из женщин, имя ее я не запомнил, была дочь. На малышку нельзя было взглянуть без слез. У нее не росли ногти, не было волос, на голове были ужасные гнойники и она едва держалась на тонкой, почти лебединой детской шейке. Все это было из – за того что у малышки брали кровь, у всех детей в концлагере брали кровь! У маленьких беззащитных детей! Как жаль, что я ничего не мог сделать, эти мысли убивали меня изнутри. Здесь я был никем, но тогда, я поклялся, что как только представит возможность – я отомщу, за всех кто умер здесь, умер как животное...

Дети здесь были донорами, их кровь уходила к летчикам. У некоторых кровь забирали до последней капли, а их маленькие тела сбрасывали в яму к остальным, погибшим от голода и пыток.

Наказывали немцы с особой жестокостью, не щадя, за малейшие провинности. Били плетями, а после отправляли бегать, до тех пор, пока ноги не переставали слушаться или человек не падал замертво. Сколько искалеченных судеб и тел я видел! Мне этого не забыть никогда... Каждый день в нашем бараке не просыпались 5 человек, не всегда, но все же. «Фабрика смерти» - единственное подходящее название этому месту.

Здесь нас не считали за людей, скорее уж за животных. Мы были никем – смертниками! С нами обращались как со свиньями. Чего только стоили все пытки через которые нам пришлось пройти! Вся антисанитария в бараках! Малейшие раны, царапины гноились, отравляли кровь. Не мало смертей выпало и на долю заражения крови. Врачи вырезали гнойники без наркоза, без обработки инструментов. Бывало, приходилось ампутировать конечности – верная смерть! Мало кто выживал после такого, да и что говорить, выживали единицы.

Не мало смертей пришло и на долю пыток. Селекции, газовые камеры, эксперименты над женщинами и детьми. Чего только стоили газовые камеры! Одно из ужасных изобретений фашистов, больше напоминало оружие массового уничтожения. Возможно, именно в этом заключалась его суть, а для чего оно еще было нужно? А я скажу тебе для чего... Для забавы! Тренировки выносливости! У того кто создал эту дьявольскую машину, явно

не все в порядке с головой! И пусть умирали не все, но гибли тысячи, глупая игра, больше похожая на рулетку: выживет или нет? Глупая игра. Безумней создателя камер, был только человек, что обрекал людей на гибель в них. Его здесь называли «Ангелом смерти». Его имя – Йозеф Менгеле. Он мог определить здоровье человека лишь взглянув на него! Он мог бы стать гениальным врачом! Но стал убийцей, не дружащим с головой... Скажи мне, разве кто в своем уме стал бы подвергать такими пытками женщин и детей? Конечно же нет. Он казался таким спокойным, никогда не повышал голос, и именно наводило на нас особый ужас.

Большую часть он отправлял в газовые камеры, иные отсрочивали свою смерть. Тяжелее было тем, в ком Менгеле видел «подопытных кроликов». Наши жизни не значили для него ничего. Совсем недавно соседний барак охватила эпидемия тифа. Как же не допустить дальнейшего распространения? Не думаю, что этот вопрос хоть на секунду задержался в его голове или заставил задуматься. Нет... Мы наблюдали за этим с улицы. С невозмутимым как и всегда спокойным лицом он отдал приказ, краткий и понятный – отправить всех в газовую камеру. В этом проклятом месте, он решал кому жить, а кому умереть в пытках или на операционном столе.

Как бы странно это не звучало, именно здесь я познакомился с удивительной девушкой. Даже исхудавшая, немытая, она казалась мне прелестной. Мы жили в разных, но каждый раз пересекались. Порою ночью... Иногда она рассказывала мне истории, как живет им в женском блоке. И каждый раз, мне было тяжело это слушать. Как можно подвергать их такому? Не понимаю, и никогда не пойму, да и не к чему мне это.

Самое ужасное – таких как Менгеле было много, даже последователи... Одна из них - Ирма Грезе, способная убить из-за дурного настроения. Но на этом истории Жени не заканчивались (именно так звали, ту девушку). По ее словам, Грезе ходила удерживая на привязи псов, и если кто упал у него не оставалась шанса выжить. На него натравляли свирепых псов. Думаю после такого псы явно не хотели есть...

О, как же много было у нее этих историй! Чего только стоили несколько из них. Грезе нравилось играть с заключенными в «русскую рулетку», поочередно направляя на каждого дуло пистолета и спуская курок. Тут ничего не скажешь, ничем не поможешь... Можно лишь рассчитывать на госпожу удачу. Хотя в итоге тебя прикончит либо пуля, либо голод, либо пытки. Еще одна из немногих рассказанных ее историй – она произошла с одной беременной женщиной. На кануне родов, она связала женщине ноги...

И наслаждалась муками и криками несчастной. Ну хватит этих жутких историй... Я не хочу тебя напугать, совсем нет, лишь рассказать тебе обо всем этом... Эти истории терзают меня изнутри, а все лишь из-за того что я ничего не мог сделать. Знаешь, именно это место научило меня не судить о человеке по внешности. Никогда бы не подумал что настолько привлекательные люди окажутся гнилыми внутри... Теперь я это знаю.

Вернемся к Менгеле. Главная его цель была – возродить арийскую расу. Из – за этого он проявлял не здоровый интерес к близнецам. Когда в лагере появлялись близнецы, это знал весь лагерь. Из всех углов доносились крики – Близнецы. В бараки они заходили под грустные взгляды окружающих их людей, некоторые снимали свои головные уборы. Здесь их побывало много, но в живых оставались единицы! Если они уходили, то не возвращались. Ходили они всегда по несколько подходов. Тогда мне показалось, что пытки проходят поэтапно. Но возвращаясь после первого посещения, на них не было увечий, в их детских глазах не читался ужас. В нашем бараке тоже жили близнецы, два брата. Тогда я подошел и расспросил их о том, что там происходило. Говорить начал один из них, их имен я не знал. Он рассказал, что ничего страшного не происходило, всего лишь измеряли некоторые части тела.

« Удивительно!» - подумал я, но что-то внутри меня кричало – обман!

И я был прав, это был последний день когда я их видел... Я расспрашивал куда они делись, никто не знал. И лишь случайно, подслушав разговор, мне пролился свет на эту историю. Одному из них «ангел смерти» ввел какой-то вирус, мальчик сильно заболел, и его было решено отправить в газовую камеру, там он и скончался. О втором ничего не известно...

На этом все. Хочу закончить на этом я свое письмо. Сейчас все хорошо, я жив, но есть одно большое «но». Из-за антисанитарии в лагере рана, на моей правой ноге, сильно загноилась. Врач сказал – выбора нет, нужно ампутировать, надеюсь я не стану для тебя обузой без ноги? Я знаю, глупо задавать такой вопрос тебе, но все же задаю, хотя в душе уверен, ты примешь меня любого. Сейчас обо мне хорошо заботятся и не только врачи. Женя и выжила так же как и я, и теперь мы видимся каждый день, не боясь друг друга. Заметив наши чувства, сосед предложил поменяться и теперь она лежала рядом со мной.

Я все обдумал прежде чем принять решение, но сердце все выбрало за меня. И я, все же сделал ей предложение. Будем надеяться на скорое окончание

войны. Я буду ждать от тебя ответа, молится о том, чтобы увидеть тебя
вновь.

С любовью,

Рома».